

«Известны случаи, когда барристер истца выступал с речью 6 недель»

О том, как русскому юристу работается в Лондоне, зачем на экзамены в солиситоры зовут профессиональных актеров и чем запомнилось дело «Березовский против Абрамовича», рассказал Роман Ходыкин, к. ю. н., партнер лондонского офиса фирмы «Berwin Leighton Paisner», солиситор Высших судов Англии и Уэльса.

— Здравствуйте, Роман! Мне лично Вы интересны, прежде всего, своей отвагой, поскольку не побоялись сменить привычные российские реалии на работу на западе с применением по большей части иностранного права. Насколько случаен был этот выбор и как вообще все начиналось?

— Я родился в Иркутске, там же закончил университет, после чего приехал в Москву поступать в аспирантуру. Привез с собой пять комплектов документов, поступал во все ключевые вузы и везде набрал высшие баллы. В итоге выбрал МГИМО, проучился там положенный срок и защитил в 2005 году кандидатскую диссертацию под научным руководством профессора С. Н. Лебедева. Мне сейчас очень пригодились знания иностранного языка, которые я получил в МГИМО. Я всегда мечтал заниматься международным частным правом и международным арбитражем, особенно учитывая, насколько тесно связаны обе эти сферы юридической практики. Как правило, все международные дела влекут за собой клубок проблем по МЧП. И мне очень нравится работать и размышлять над ними. Собственно арбитражем и МЧП я также занимался во время моего обучения в Лондоне в 2002 году. Какое-то время я работал в российском офисе фирмы «Clifford Chance», а в 2012 году перебрался с семьей в Лондон, где я стал партнером в фирме «Berwin Leighton Paisner». Собственно, в моей работе после переезда мало что поменялось, поскольку и из Москвы мы вели дела в Лондонском международном третейском суде, и в Стокгольмском арбитражном институте, и в прочих арбитражных центрах. Сейчас у меня двойная квалификация: я адвокат в Российской Федерации и солиситор высших судов Англии и Уэльса.

— Долго пришлось получать это звание?

— Недавно в Англии упростили процедуру получения этого звания именно для российских адвокатов. Конечно, другие российские юристы могут посчитать это ущемлением их

БИОГРАФИЯ

- В 2000 году с отличием окончил Иркутский государственный университет.
- В 2003–2004 годах проходил обучение в Соединенном королевстве Великобритании по программе Pre-MA Programme in Business Law (диплом с отличием). Также обучался в Queen Mary, University of London и the London Institute of Advanced Legal Studies.
- В 2005 году успешно защитил кандидатскую диссертацию в МГИМО по теме «Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве».
- Адвокат, солиситор Высших судов Англии и Уэльса.

прав, но подход этот правильный. В Англии юридическая профессия является регулируемой (включая правила принятия, поведения юриста, дисциплинарную ответственность и т. п.). Поэтому переквалификация допускается в отношении зарубежных юристов, которые входят в какой-то хотя бы отдаленный аналог английской регулируемой профессии. А российская адвокатура — все-таки профессия, подверженная регулированию и построенная на началах самоорганизации и самоконтроля.

Стандартная процедура такова: сначала обыкновенное юридическое образование, а затем дополнительное образование на предмет получения специальных навыков (написание юридических документов, проведение переговоров с клиентом и т. п.). После этого обязательный ученический договор (по-нашему — стажировка) в юридической фирме в течение 2 лет. При этом надо потрудиться по полгода в четырех разных департаментах (налоговый, судебный, недвижимость и др.). Нельзя, например, все 2 года просидеть в налоговой практике, как бы близка она не была.

— **И это упрощенная процедура? Какая же тогда стандартная?**

— Это как раз и есть стандартная. Я о ней рассказал, чтобы показать на контрасте. В качестве упрощенной процедуры для российских адвокатов придуманы три экзамена. Это были самые сложные экзамены в моей жизни. При этом ранее я провел не одно арбитражное дело по английскому праву и некоторые институты постиг во время работы. Первый экзамен по праву длится 6 часов, и надо ответить на 180 вопросов по 11 предметам (договорное, деликтное, уголовное, налоговое право, европейское право и др.). Все вопросы на английском языке, примерно на страницу каждый с пятью вариантами ответа. Причем ответы не очень отличаются друг от друга. Эта система гораздо сложнее той, при которой можно быстренько откинуть 2-3 явно неверных ответа и дальше выбирать между двух оставшихся. К примеру, вам говорят: «Выберите вариант ответа, который наиболее полно описывает какой-то конкретный вид деликта (скажем — public nuisance)». И в одном ответе не хватает какого-то признака, в другом добавлены признаки из деликтов других видов и т. п.

— **Читатели, даже те, кого немного срезали на выпускных госэкзаменах в юридическом вузе, думаю, послушав сейчас эти ужасы, резко возлюбили систему отечественного юридического образования...**

— Это был самый простой экзамен по сравнению с двумя следующими. В них проверялась комбинация теоретических знаний и практических навыков. Эти экзамены шли по 3 дня каждый. Так вот, второй экзамен — устный, на практические навыки. Он идет 3 дня, и каждый день проверяются знания по разным направлениям права. Первое задание на выступление в суде: 45 минут подготовки и 15 минут выступление. Причем надо разбираться во всех тонкостях: как называть судью в зависимости от иерархии, например, миледи или милорд в Апелляционном

суде, либо мастер, если данный судья только по процессуальным вопросам. «Ваша честь» в Англии может применяться только в суде графств. Второе задание — переговоры с клиентом. Это редкое удовольствие и, кроме того, довольно дорогое, поскольку роль клиента выполняют профессиональные актеры, которые начинают плакать или скандалить и даже бросаться на испытуемого с кулаками. А экзаменаторы смотрят, как на это реагирует соискатель. И второе, на что смотрят — какую информацию удалось вытащить из «клиента», поскольку у тех прямая задача уклоняться от предоставления информации. Третье задание — написание письменной консультации для клиента по тому вопросу, с которым шел к нему. Собственно, информация вытаскивается из клиента при разговоре именно для того, чтобы была фактура для ответа, об этом тоже надо помнить в момент разговора.

Третий экзамен — снова письменный, и он тоже идет 3 дня. Каждый день одна и та же схема по разным областям права. И опять три задания. Первое — правовое исследование. Даются две правовые базы и какой-то сложный вопрос. Надо в течение часа найти и написать совет со всеми необходимыми ссылками на прецеденты, литературу. Второе задание — написание письма клиенту. И третье — составление юридического документа. Это может быть договор, претензия, завещание, исковое заявление и т. п. По второму и третьему экзамену оценка выставляется комбинированная: 50% — за навыки и 50% — за знания. При оценке навыков даже опечатки могли повлиять на оценку. В среднем от 40 до 60% соискателей заваливают каждый экзамен.

— **Это только для русских они такие экзамены придумали или для всех?**

— Для всех. Но надо понимать, что юристам из стран общего права, таким как Австралия, США, такие экзамены сдавать гораздо легче. По сути, их системы права постро-

ны на английской. Немаловажно также и то, что они сдают экзамен на родном языке, в то время как я такой привилегии был лишен. Подготовка заняла у меня нереальное количество времени. Поскольку параллельно приходилось работать, ведь у меня шел один арбитраж в активной фазе, приходилось готовиться ночами, в выходные...

— **Да, подготовка юристов в России отличается...**

— Где в России выпускник набирается практических навыков? Явно не на университетской скамье. В этом плане реформа российского юридического образования просто необходима. Я был доцентом МГИМО и вел семинары по гражданскому процессу. На четвертом курсе я просил студентов написать исковое заявление и говорил им так: «Ребята, стиль и качество написания данного иска могут быть любыми, я не буду это проверять. Ваша задача в том, чтобы исковое заявление было принято судом к рассмотрению». У меня из всей группы только у одного человека это получилось. Всем остальным суд или оставил бы иск без рассмотрения, или вообще вернул бы исковое заявление. И получается, что всему этому российский студент учится не в вузе, а на практике. Это здорово, если вы попали в хорошую практику, где научили. А если в плохую?

— **Я так понимаю, Вам пришлось уйти из МГИМО. Скучаете по академической науке?**

— Да, безусловно, скучаю. Но я сейчас получил должность приглашенного профессора в Колледже Клэр Кэмбриджского университета в Лондоне и читаю там курс по международному арбитражу и международному гражданскому процессу. Восполняю образовавшийся вакуум.

— **Я видел монографию какого-то известного английского процессуалиста, в издании которой Вы принимали участие**

в качестве переводчика на русский язык. Расскажите подробнее.

— Да, я был редактором перевода на русский язык книги Нила Эндрюса «Система гражданского процесса Англии», которая вышла в издательстве Инфотропик-Медиа в 2012 году. Надо сказать, что последняя переводная работа по английскому процессу была опубликована в 1980 году, поэтому к тому времени действительно назрела необходимость в такой книге. Кроме того, Нил Эндрюс является одним из самых уважаемых процессуалистов в Великобритании. У него уникальное сочетание: он читает лекции по договорному праву и по процессу. В России ученые редко сочетают материальное и процессуальное право. А ведь профессор Эндрюс начинал заниматься договорным правом, но поскольку английское договорное право в своей основе базируется на судебных прецедентах, он стал еще и процессуалистом.

— **Мне кажется, процессуалист, вышедший из материального права, дорогого стоит. А сами что-то публикуете сейчас?**

— Недавно в Нью-Йорке была опубликована моя монография на английском языке «Arbitration Law of Russia: Practice & Procedure» («Арбитражное право России»). Также я веду колонку «Арбитраж на постсоветском пространстве: взгляд из Лондона». Кроме того, регулярно пишу на разные темы, как на английском, так и на русском языках.

— **Ну, а в Англии как к Вам относятся коллеги по цеху? Не видят конкурента? Не брюзжат что-то вроде «понаехали тут»?**

— Надо понимать, что в Англии довольно много русских споров. Даже официальная статистика показывает, что в Лондонском международном третейском суде споров с участием именно российской стороны — 19%. А если к этому добавить споры с участием кипрских компаний или компаний с Британских Виргинских островов, то количество разбирательств с участием

наших соотечественников будет примерно одна треть. Также много споров украинского и казахстанского происхождения. Поэтому русскоговорящие юристы нужны, и я не один такой. Кто-то приехал из Америки, кто-то квалифицировался как я. И нам всем пока хватает работы.

Что касается пренебрежения, я бы не сказал. Удивление бывает. У меня в декабре было дело с суперзвездным составом арбитража. Одним из арбитров был Лорд Хоффман. Это просто живая легенда в Англии, бывший судья Палаты Лордов, который вынес немало знаменитых прецедентов. Также в составе был сэр Дэвид Стил, судья в отставке. А председательствовал известный американский арбитр Джеффри Хертцфильд. Конечно, изначально они относились ко мне с настороженностью, но потом все остались довольны, как мне показалось. Поэтому небольшое предубеждение есть, но оно быстро развеивается, если хорошо работать.

И вообще, арбитраж — довольно демократичный институт. Меня он и привлекает тем, что сегодня веду дело в Лондоне,

завтра в Париже, послезавтра — в Нью-Йорке. Правда, в английском арбитраже бывает такое, когда одна сторона назначает арбитром одного барристера, другая — другого барристера, а вместе они выбирают арбитром судью в отставке. И тогда они устраивают то, что в Англии называют «суд без париков» — копирование классического английского гражданского процесса. —

— **А что в этом плохого?**

— Ну, прежде всего то, что если бы мой клиент хотел классического гражданского процесса, он не стал бы согласовывать арбитражную оговорку, а пошел бы в английский суд. Правила арбитражного разбирательства существенно проще и менее формализованы. Это отражается, в том числе, на сроках. То, что в арбитраже идет 5 дней, в гражданском процессе может легко занять 3 недели. Недавно при обсуждении реформы гражданского процесса рассматривали предложение о том, чтобы ограничить вступительную речь барристера одной стороны двумя днями. И это только вступительная речь! За ней идет исследование доказательств, а потом заключительная речь. Казалось бы, что можно говорить так долго? Ан нет! Известны случаи, когда барристер истца выступал с речью 6 (!) недель...

— **Слышен звук падающего тела... Это я. А за реформой нашего третейского разбирательства следите? Что в ней нравится, а что не очень? Вот я уже услышал, что в Англии судьи в отставке могут выступать арбитрами. А у нас это только предлагается. Но идем в общей канве, получается?**

— Да, наверное, так. В Швеции даже действующие судьи могут выступать арбитрами. И в этом есть свои плюсы, а не только минусы, которые лежат на поверхности. Например, плюсом считается то, что судья получает бесплатный опыт участия в разбирательствах. Повышает тем самым свою квалификацию и готовится к будущим слож-

ным процессам. Молодой судья, например, попадает в один состав к двум матерым арбитрам и решает дело вместе с ними. Что может быть ценнее такой практики? Второй плюс в том, что судьи начинают лучше понимать третейское разбирательство и к нему растет доверие со стороны судей. Наконец, это разрешенный источник дохода для судьи. Ведь платит ему не сторона, а арбитражный институт — суд. Минусы тоже понятны — коррупция. Можно отблагодарить судью за что-то, назначив его на дело с большим гонораром арбитра.

— **Боже, какой витиеватый способ. Мне кажется, наши коррупционеры до таких сложных конструкций пока не доросли.**

— Есть еще один недостаток — авторитет судьи. В нашей практике был случай, когда решение было вынесено действующим судьей Верховного суда Швеции. Он вынес его с процессуальным нарушением. В арбитражном разбирательстве недопустимо принимать какие-то аргументы, если они не были подвергнуты обсуждению сторонами. Если у судьи в голове есть аргумент, он обычно говорит: «Стороны, представьте свои позиции по такому-то аргументу...». В данном деле судья этот подход нарушил. Мы обратились к местным юристам, чтобы узнать, какова вероятность отмены решения. Они нам ответили, что это грубое нарушение и безусловное основание для отмены. Но поскольку это судья Верховного суда, никто его решение не отменит.

— **Природа людская не меняется и к северу от наших границ...**

— Ну а судьи в отставке уж точно могут быть арбитрами. И тогда мы увидим, кому стороны действительно доверяют. Что касается реформы в целом, то у нас ее уникальность заключается в том, что ни в одной развитой стране не было такой ситуации с карманными третейскими судами, которая сложилась в России. Теперь у нас вся

реформа направлена на борьбу с ними. И это неизбежно начинает мешать нормальному разбирательству с участием честных сторон. Видимо, надо было больше использовать уголовное преследование недобросовестных лиц. Тут есть еще одна тонкость. Юридическая профессия — регулируемая, а обязанности солиситора перед коллегами по цеху и судом превалируют над его обязанностями перед клиентом. Могу привести пример с уголовными делами. Клиент говорит барристеру: «Я убил, но я хочу, чтобы в суде ты говорил, будто я не убивал». Барристер не вправе так делать. Он обязан отказаться представлять клиента. Ведь если он заявит, что клиент не убивал, то, по сути, он будет вводить суд в заблуждение.

Если экстраполировать это на третейское разбирательство, то я могу лишиться статуса солиситора, если буду представлять клиента в третейском суде, который создан как механизм для мошеннических целей. И тогда мне придется покинуть профессию навсегда. А я рассказывал, чего мне стоило в нее попасть. Поэтому у нас коллегии адвокатов должны чистить свои ряды. И именно

на уровень коллегий адвокатов надо перенести то регулирование, которое у нас пытаются включить в закон.

— **Если бы это прочитали адвокаты по уголовным делам, у них бы просто произошел взрыв сознания. Они бы закипели от негодования. Клиент должен отказаться от такого барристера, нанять нового и уже более свою ошибку не повторять, то есть не признаваться?**

— Да, видимо так. Кроме того, у английского адвоката есть обязанность сохранять целостность профессии. Это препятствует ему, например, постоянно работать на одного и того же клиента, поскольку при продолжительных отношениях возникает конфликт интересов, некая синергия, которая может вызвать соблазн поставить интересы клиента выше интересов правосудия.

— **Получается, что они в процессе гонятся за объективной истиной?**

— Объективную истину установить невозможно. Отсюда появился стандарт перевеса вероятностей. Потому что только это можно реально доказать. Если мы считаем, что более вероятно нечто, чем противоположное ему, мы считаем этот факт установленным. Но при этом есть ряд механизмов, которые направлены на целостность данного процесса, чтобы он не подрывался изнутри. Возвращаясь к реформе третейских судов, я хочу подчеркнуть, что в ней есть элементы, которые надо приветствовать, и ее нельзя отвергать целиком. Но есть элементы, которые явно неправильны. К ним относятся введение какого-то ценза для арбитров, что они должны иметь степень, ученое звание, входить в список. Вообще-то список — это советское изобретение. Например, председателя МКАС назначает Президиум, а он может выбрать только из соответствующего списка арбитров, который ведется у них. А почему? В Лондонском международном третейском суде, если стороны заранее

не договорились о персоналиях арбитров, вообще всех арбитров назначает суд. Но при этом идут консультации со сторонами. Есть и ограничения. Например, председатель состава арбитража и соло-арбитр не могут иметь национальность одной из сторон. Видимо, считается, что одна национальность может повлиять на объективность.

— **А расширение арбитрабельности корпоративных споров Вы же поддерживаете?**

— Да, конечно. Это один из позитивных моментов реформы, ибо раньше суды все корпоративные споры считали неарбитрабельными. Я понимаю логику суда, ведь когда речь идет об оспаривании в третейском суде решения собрания акционеров, такое решение может затронуть всех акционеров, участников, а не только истца и ответчика по спору. Теперь же хотя бы часть их точно можно передавать в арбитраж. Если это спор о признании недействительной сделки купли-продажи акций, то конечно он должен быть арбитрабелен. Или спор о реализации права drag along...

— **Что такое «drag along»?**

— Это очень интересная, на мой взгляд, конструкция. Если в компании два участника — миноритарный и мажоритарный, — то у миноритарного участника есть риск, что он не сможет продать никому свой пакет, поскольку инвесторы не захотят быть в одной компании с данным мажоритарным участником. А целиком всю компанию инвесторы, например, готовы приобрести. Чтобы выйти из такой ситуации, два участника заранее включают в свое акционерное соглашение положения о том, что в случае получения добросовестной оферты третьего лица на весь или контрольный пакет акций, миноритарный участник может потребовать от мажоритарного акционера либо купить у него акции по той цене, по какой их теоретически готовы купить посторонние инвесторы, либо продать свои акции вместе с миноритарием. Вот Вам спор

о правах на акции. Арбитраж может принудить ответчика продать акции. Почему он не должен быть арбитрабилен?

— **Согласен. У меня тут нет сомнений. Я знаю, что Вы участвовали в громком процессе «Березовский против Абрамовича». Помню Ваш доклад в 2013 году, посвященный этому делу. Материалы размещены на официальном сайте ВАС РФ, хотя доклад получился, к сожалению, не таким подробным, каким мог бы, из-за недостатка времени. Поэтому, может быть, расскажите, чему научил Вас этот процесс?**

— В этом процессе мне очень понравилась работа юристов. Достаточно почитать протоколы заседаний на право.ру. Читается, как Агата Кристи! Интересно даже просто отражение истории. У нас ведь многого из того, что на самом деле происходило, не известно.

— **А, ну да. Адвокаты ведь врать не могли... Хотя запросто могли врать российские участники событий, нет?**

— Специфика перекрестного допроса в английском процессе такова, что истина все равно выходит наружу. Поэтому, если даже участники и врали, суд их изобличал.

— **Возвращаясь к другим процессам с Вашим участием — в каких странах Вам приходилось вести дела?**

— За годы практики я представлял интересы клиентов в разных арбитражах. Много дел было в Лондонском международном третейском суде, Арбитражном суде Международной торговой палаты (Париж), Арбитражном институте торговой палаты Стокгольма, Американской Арбитражной Ассоциации (Нью-Йорк), Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (Вашингтон). Даже довелось представлять интересы спортсменов в отделении Ad Hoc Спортивного Арбитражного суда. Вся прелесть арбитража в том, что возможности выступать в арбитражах разных госу-

дарств, как правило, не ограничены необходимостью состоять в местной адвокатуре.

Каждое дело интересно и уникально по-своему. Мне лично запомнилось одно дело, где наш клиент заключил договор по английскому праву о приобретении земельных участков в Подмоскowie. Потом выяснилось, что участки зарезервированы для государственных нужд. Мы успешно доказали, что резервирование земель по российскому праву эквивалентно обременению по английскому праву. Но в деле был прекрасный эпизод в ходе перекрестного допроса нашего клиента — крайне состоятельного российского лица. Он рассказывал в своих показаниях, что после того, как он узнал о резервировании, он приехал к продавцу и сказал ему, что тот его обманул. Продавец в ответ сказал, что у него нет денег выкупить участки обратно, но он может отдать ему в качестве компенсации свой частный самолет. Состав арбитража был под большим впечатлением, когда наш клиент ответил ему: «У меня уже есть три самолета и мне четвертый не нужен...».

Другое дело было как раз в связи с ранее упоминавшимся drag along. Спор рассматривался по регламенту Лондонского международного третейского суда, мы представляли мажоритарного акционера. По сути, у нашего клиента были все основания полагать, что оферта третьего лица была сфабрикована миноритарием. В такой ситуации мы заявляли, что это не есть «добросовестная оферта третьего лица», поэтому условие договора о drag along не применяется. Параллельно нам пришлось заниматься обеспечением арбитражных расходов и сборов, вопросами разбирательства на стадии и т. п.

— **Роман, большое спасибо за интервью. Желаем Вам и в дальнейшем выигрышных и интересных процессов. ■■**

Беседовал Андрей Владимирович Егоров, главный редактор «АП».